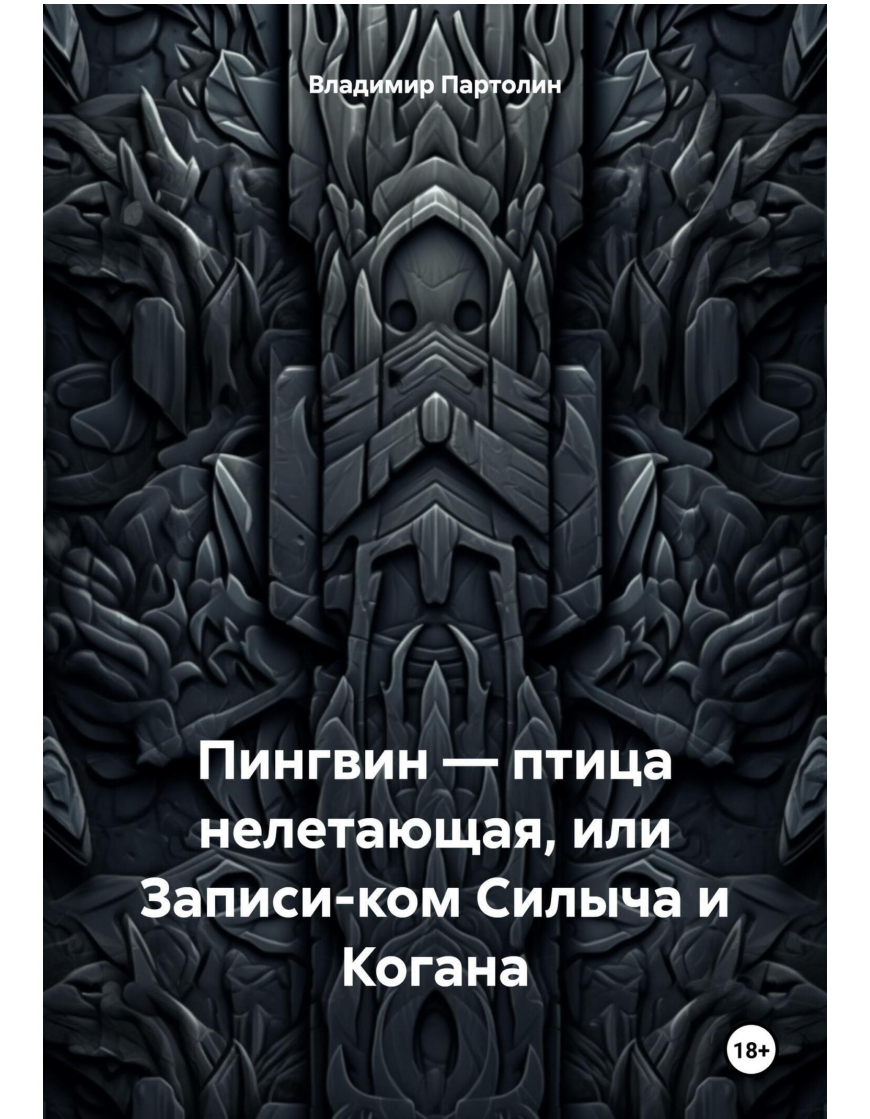

Владимир Партолин

**Пингвин — птица
нелетающая, или
Записи-ком Сильча и
Когана**

18+

Владимир Иванович Партолин
Пингвин – птица
нелетающая, или Записи-
ком Силыча и Когана

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70532143
SelfPub; 2024*

Аннотация

Сбежавшие из-под дисциплинарного ареста спецназовцы обосновались на острове с государством Пруссия, здесь восстановили разграбленную пиратами деревню, занялись сельскохозяйственным трудом.

Содержание

1
Конец ознакомительного фрагмента.

6
27

Владимир Партолин

Пингвин – птица

нелетающая, или Записи-

ком Силыча и Когана

Они непосредственные участники этой истории, многое им рассказал сам Франц Аскольдович Курт, кое-что ротный повар ефрейтор Хлебонасущенский, который по собственной инициативе, втайне от полковника, взял на себя заботы ординарца. Не раз выручал Батю (так прозывали командира, за глаза, конечно). Случалось, встанет тот ночью и идёт один на Дальнее поле – любит он это место. Ефрейтор за ним с накидкой. Обгонит сторонкой, постелет у грядок на краю поля, камнями, чтобы ветром не унесло, прижмёт. Батя придёт и садится, ломая голову, как это он прошлой ночью мог забыть подстилку. А вроде и не брал с собой. Да и сейчас, выходил из барака, накидка осталась висеть на выходе. Проверял по приметам, его ли. Его. Сплетена из усов корневища островной ягоды-оскомины – растёт только здесь на Дальнем поле – особой вязкой. Хлебонасущенский и вязал. С изнанки подбивал офицерской плащ-накидкой.

Чертыхался Батя. Рассеян, забывчив стал. А без подстилки заднице зябко – ночью земля после частых на острове до-

ждей с ветрами мокрая и холодная.

1

Батя (председателя колхоза только я, кладовщик, да завхоз, так называли прямо не за глаза), подсобив грузчику вскинуть на спину последний мешок, окликнул земмариинского каргоофицера:

– Молодой человек!

Тот вострепнулся, чуть на ногах удержался: спал стоя. Прислонился плечом к борту гондолы ветролёта и клевал себе носом. А ступал грузчик с мешком на сходни, вздрагивал, поправлял фуражку, повёрнутую козырьком на затылок, ему великоватую, и закладывал очередной палец в кулак – профессиональный метод учёта груза. Обучен менялой, патроном и хозяином ветролётоносца, чтоб самому учётчику не участвовать в работах непосредственно, чтоб бодрым у сходней оставался, не обсчитался бы ненароком. Каргоофицер – портовый и судовой специалист погрузочно-разгрузочных работ. Носит офицерскую форму береговой охраны Альянса ЗемМария, почему-то; причём, что совсем странно, брюки в комплекте той форменки не клеши обычные, а «дудочки» стильные, даже отдалённо не походящие на флотские: в бёдрах облегающие и длиной до лодыжек. На виду из прогар (флотские кожаные ботинки) торчат носки в полоску всех цветов радуги. Околышек фуражки отмечен профессиональным знаком: кокарда – в виде краба с крюками-захва-

тами в клешнях, вписанного в окружье из цепи с якорями и окаёмку сегментально разделённую на цвета (эмали) всё той же радуги.

– Я!

– Последние четыре мешка отгружены. Бензин принесите, пожалуйста, вспотел, боюсь на ветер выйти.

Каргоофицер с канистрой пристёгнутой у него на груди к штормовке, ступая по тропке к амбару, вежливо посторонился пропустить грузчика.

– Семьдесят шесть мешков, все по акту, – протянул он на показ Бате руки. В кулаках он держал загнутыми три пальца одной руки (десятки), указательный и большой сомкнутыми кончиками, что означало «помножено на два, плюс десять единиц». На другой руке пальцы сжаты в кулак, мизинец оттопырен – означает шесть штук. – Резвые у вас... Й-ёё!... – вдруг всполошился, обернулся к гондоле ветролёта и спросил недоумённо: – Они... тридцать шесть человек, все на борту остались? По сходям только поднимались, никто не сходил!

– Здравствуйте, молодой человек. Всё верно, семьдесят шесть мешков отгружены. Канистру я отстегну... Мы не виделись: на приветственном ужине вас, молодой человек, не было. И успокойтесь. Полагаете, спрятавшись в трюме, покинут остров, в ЗемМарию уплывут? Не бойтесь, я председатель колхоза, взойду на борт, построю, посчитаю и все тридцать шесть голов уведу. Вахтенный боцман на мостике спо-

коен, а вы так переполошились. Меня Председателем кличут, за глаза прозывают Батей, можете и так обращаться ко мне, – протянул Председатель руку.

– Здравия желаю, Председатель. Обязан официально обращаться, – почтительно, став в стойку руки по швам, поздоровался молодой человек и представился: – Помощник оф-суперкарго, оф-карго-трюмный, младший лейтенант. Отвечаю за сохранность груза, по уставу должен находиться в радиусе ста шагов от борта, быть постоянно в поле зрения вахтенного. Я за груз, извините, испугался, – тихим оправдательным тоном дополнил офицер и в протянутую ему руку вложил в замешательстве кулак.

– Удобрения? Соляра? Ни того, ни другого не тронут.

– На борту, зачем остались?

– Вы не в курсе? Ваш патрон Зяма распорядился грузчиков покормить на камбузе, – тряс Председатель в крепком рукопожатии кулак офицера.

– А-а-а, – протянул (от боли) лейтенант. – Меня в известность не поставили.

– Вахтенный на мостике в курсе.

– А-а. Здесь... – офицер поддел носком прогары канистру и, расклеивая перед выпученными глазами пальцы разжатого кулака, договорил: – шесть литров.

– Спасибо, лейтенант. Как звать-то?

– Иван.

– Я Франц Аскольдович, фамилии вот своей назвать не

вправе... Я и грузчики не всегда колхозниками были, мы – взвод «вэдэвэ». Спецназ. Слыхал о таких?

– Конечно. Мальчишкой мечтал служить в спецназе, но «вэдэвэ» реформировали в «овэмээр» – из десантников в марпехи. Вас, говорят, на острове бросили, а шкипер как-то проговорился – что в бегах и в заточении вы здесь.

– Брешут. На сельхозработах мы – на трудовом, как говаривает зампотылу, фронте. Трудимся... как умеем. А спецназ не расформировали – сократили. Мой полк, да – в марсианских пехотинцев, марпехов, реформировали. Но штаб на «Звезде» остался. Сельхозпродукцию штабным поставляем... Сколько можем... как умеем. Нам взамен тыловики довольствие сухпайком и респираторные фильтры пересылают. Спецназовские. Знаешь о таких, видел? В секрете держались. Моя рота начала их испытывать, так что, вряд ли ещё у кого такие есть. Вот эти, – достал Председатель из пенала на поясе две вещицы, с виду схожие с лекарственными таблетками в капсулах. – В экипировке значатся как «свечи», вишь, с ректальными свечами по форме схожи. Ещё и «макариками» называем, вишь, на патрон от пистолета Макарова похож. В нос засунем, и в самом пекле – в Европе где-нибудь, в Южной Америке или в Африке – выходим из «бэмээмпэ» на воздух без респираторных масок. Так, веришь, волки, мустанги и драконы на месте обалдевали, за суперменов нас держали. Возьми попробовать. Деваху свою напугаешь. Часа четыре действуют, после чистить надо. Спиртом. Можно

«тройным», хотя, откуда он в ЗемМарии, на «Звезде» ведь все запасы.

– Знаю «тройник», я ведь не земляк, небён, на «Звезде» родился и вырос. Впервой на Земле. Одеколон привёз. На пути с Марса со встречными с Земли купцами обменялись «сувенирами», так что, имеется небольшой запас, не на судне, в гостинице. Лучшее в Руси средство мена. За фильтры спасибо. Босса и патрона, выйдем в океан, напугаю: в вахту заявлюсь в рубку без маски.

– Не знаю как твой босс, а патрон Зяма о «макариках» знает – догадается.

– Тогда одного босса разыграю. Он рассказывал, шесть лет вы на острове. Одни. Без женщин... с проблемами... еду приготовить, постирать... напряжение снять.

– Верни-ка «свечи».

– Что вернуть?

– Фильтры, «макарики». Надо же, перепутал отделения в пенале, возьми вот эти – очищенные, вновь пригодные к дыханию. Будешь в ноздри совать, прежде высморкайся. Погоди... – рылся Председатель в пенале. – Верни и эти. Они все в пенале использованные, забыл отдать на очистку. С использованными не отравишься, но вести себя будешь неадекватно.

– Не помру же, зато припугну босса, а то достал: молодой, вот и гоняет на вахту смотрящим. Пяти часов поспать не даёт. А сплю, океан во сне один и вижу, ну и пиратские шары волков и драконов. А как – неадекватно?

– Смеяться будешь.

– Ну, скажите, не буду я смеяться. Стошнит, что ли?

– От «макариков» неочищенных спиртом щекочет в носу, вот и будешь от смеха на мостике заходиться. В другой раз подарю. Твою каргокоманду патрон впервой зафрахтовал, насколько навигаций?

– Пока на одну эту.

– А насчёт женщин, мы ведь, трюмный, спецназовцы – натренированные: обучены без баб обходиться. Да и потом, готовить нам особо нечего, и стирать, сам видишь, тоже, смекни, нет. Сменки нет. – Председатель одёрнул китель морского офицера без знаков различия, надетый поверх одной тельняшки и кальсон. – А напряжение снять, проблемы здесь в деревне у полеводов нет – фельдшер наш на это дело охоч. Проблемы – у меня. Камса, так фельдшера кличем, один, а полеводов сорок человек, вот и бегают в соседнюю деревню. Мужики в сопки по бабам, хлопцы на завалинку к девчатам. Боюсь, дети пойдут, а их кормить надо. Також конфликты с соседним колхозом «Мирный», с мужиками и парнями, нередки. Я, почему тебе рассказываю и спрашиваю, будешь ли на острове и в последующие навигации – презервативы нужны. Зяма привозит, но задорого. С тобой я бы менялся на это. – Председатель полез в планшетку и вытащил наполовину пластину серо-желтоватого цвета толщиной в два пальца. – Тушёнку привезли не из черепахи?

– Черепаху всю... извели... Из пингвина... тушёнка.

– На вкус отдаёт вроде черепахой, чуть кониной, – сглотнул слюну Председатель.

– След!? – вырвалось у офицера. И он сглотнул.

Пластина из песка, обожжённого до стеклообразной массы, видна была стороной с отпечатавшимся в ней протектором сапога. «След», да какой! От обуви не простой. О «следах» этих знал всякий, что на Земле, что на Марсе.

– Так как тебя зовут, сынок? – повторил Председатель вопрос. Показывал он пластину, сделав шаг в сторону, спиной к гондоле ветролёта: закрывал собой, чтобы вахтенный с мостика не видел.

У парня глаза загорелись. Ему показывали – так просто! – «след» от сапога скафандра разведчика экспедиции, впервой высадившейся на Землю. Необычный! «След» оставленный в обледенелом снегу – редкость, а тут – в песке! Да такие отпечатки никто и не видел! Первопроходцы с Марса ведь тогда в скафандрах ходили недолго – пришлось их на тулупы заменить, а вместо сапог валенки надеть и на лыжи стать. И не просто показывали, сделку предлагали!

– А? – встрепенулся офицер. – Иван, – назвал вторично, шумно сглотнул и спросил: – Тот самый?

– Глазам не веришь. Тот самый. Протектор подошвы, видишь какой? «Зубастый». Реликт. Но какой! Этот «след» – в песке, как видишь, не в оледенелом снегу. Не растает. В ЗемМариин патрулирование по всей Антарктиде проводил, нашёл. Песком первопроходцы шугу посыпали не из опасе-

ний поскользнуться, а чтобы обозначить тропку. Повезёшь на «Звезду», – ты ведь точно не земляк, Ваня, – небён: фамилию не назвал, нет у тебя её – не рассказывай никому, что у меня на Бабешке выменял. Сам понимаешь, находку втайне держу. Репортёры, менялы – ладно, но реликты сохиды, гвардейцы «си», просто конфискуют. Бери.

Офицер взглянул на рубку гондолы, и шёпотом:

– Отойдёмте в сторонку, в тень.

– Вахтенный о нас, Ваня, подумает некрасиво. Форма твоя, извини, – «петушиная», его на мысль греховную наведёт, сам понимаешь. В ЗемМарии дизайнера часом на рею не вздёрнули, творца-оригинала; да и адмиралы с генералом альянса совсем охронели. Слышал, арабские адмиралы воспротивились эскизам, но адмиралы американские и русский генерал утвердили. За отгородку станем, по грудь только видны останемся.

– Больше ста шагов будет, вахтенный тревогу подымет, – заволновался Иван, моя колкость насчёт «петушиного» дизайнера формы каргоофицера сейчас его – когда «след» предлагали – ни в коей мере не колыхала.

– Ладно, повернусь спиной, не увидит. Берёшь?

Иван потянулся к дару – как подумал по простоте душевной марсианина молодого – но Председатель с возмущением уронил пластину назад в планшетку:

– У меня что, сотни таких. Тропка была в двадцать шагов длиной – от палатки до отхожей ямы.

Иван опешил и, поняв, что от него ждут, испуганно зыркнул на мостик с вахтенным: меняться – ему, оф-карго, младшему лейтенанту, трюмному, ни разу не меняле! Супер-оф-карго всыплет, а патрон узнает, в наказание на острове оставит.

– Как знаешь. Не знаешь, у вахтенного будет закурить?

– На... что... меняемся? – сумел только промямлить Иван обычную для менялы фразу.

– Достанешь сигарету мне закурить и расстегнёшь карман штормовки, я «след» переложу. А через час, сюда загляну, вынесешь тушёнку и сигареты, в упаковках целых, – полез Председатель в планшетку.

– Карманы штормовки зашиты, так у трюмных положено. И у меня нет упаковок.

– Ладно, запазуху тюбиками и пачками набьёшь, сколько сможешь.

– И пачек с сигаретами нет, не курю я, – расстраивался Иван. – В... кармане блок, почти целый, трёх пачек не хватает.

– Блок?! А в каком кармане, они ж зашиты.

– В потаённом... блок за гульфиком шорт штормовки, подшит с изнанки в промежности штанов, на задку.

– Понимаю, вместо подгузника. А залезть, молнию расстегнуть, или пуговицы?

– Ширинка шорт на липучках, в штанах ширинка на молнии.

– Посмотри, вахтенный на месте?

– Ага. В рубке на мостике.

– Моих видишь?

– Нет, один боцман.

– Поверни фуражку козырьком и кокардой на лоб – покажи этим боцману, что погрузка завершена, пусть думает, что мы с тобой без дела здесь калякаем. Развернись к нему в пол-оборота и загибай пальцы, будто рассказываешь мне – одно, дескать, молодому офицеру надо, второе надо, третье надо. Липучки отлеплю, молнию распушу, и блок достану я сам.

– Ага. Только под штанами нет... я без трусов.

– Ваня, мне не до глупостей, я курить хочу.

– Странно, вахтенный стоит – по мостику не прохаживается... Только блок сразу спрячьте, – прошептал Иван и повернул фуражку козырьком на лоб.

– Не бойсь, Ваня. Загибай пальцы.

Трюмный пальцы загибал, а Батя обменял «след» на блок сигарет. Упаковку сунул за резинку своих кальсон и прижал поясным ремнём офицерской портупей, запахнул и застегнул на пуговицы китель. А потянулся стянуть молнию, лейтенант отстранился, покраснел и сделал это поспешно сам.

– «След» в рукаве понесу. Отвлечёте боцмана?

– Ты пальцы-то загибай. Отвлеку. Попрошу проводить в трюм к лоботрясам моим.

– Так они не на камбузе? В трюмных погребках все!

– Ну да. Меня ждут, я их из погребов на камбуз поведу.

И кока вашего мне надо прежде разбудить, подготовить: он покормить четверых только ожидает.

– В тех погребах, по углам под парусиной, бананы... спрятаны. На одеколон в Рабате... выменял. – Офицер сорвался было с места к гондоле, но Батя удержал за плечо.

– Постой, Ваня! Не повезло тебе. Пусти козла в огород – одного, а здесь аж сорок изголодавшихся. Извини, Ваня, я не знал про бананы. Запчасти, соляру приказал не трогать.

– Суперкарго узнает, голову мне оторвёт!

– Так уж и оторвёт. Ты на отвальный завтрак сюда не приходи, больным скажись. Тушёнку вынесешь, я тебя ждать буду с кружкой «Фирмы» и котелком пюре – самогонку и закуску нашу отведаешь.

– Я не пью, мне нельзя – я трюмами заведу. А про пюре из островной ягоды-оскомины наслышан, от неё у вас шерсть по телу, зубы и уши такие. Босс и шкипер вас чебурашками называют. Я спросил кто такой этот чебурашка, – так не сказали, слезу смахнули и меня в погреба крыс гонять отослали.

– Тогда киселя из оскомины принесу. Попробуешь. Такого ты, трюмный, не пил.

– Заведовал трюмами, – обречено вздохнул Иван и спохватился: – Мне тушёнку вынести?! Мы же на блок сигарет поменялись.

Председатель ударил себя по лбу.

– Ах да! Извини. С памятью у меня что-то – провалы случаются. Пальцы продолжай загигать, – полез Батя в план-

шетку. – Вот второй «след». Передашь своему боссу в компенсацию за бананы... Не посмотрел, блок сигарет, каких?

– Мальборо, – ответил Иван, закладывая пальцы в кулак и постреливая глазами, то на рубку гондолы, то по углам пустаго амбара.

– Да не дрейфь ты так... Как ты сказал? Мальборо? Ух ты! Ты, вот что, Ваня, послушай моего совета. Вернёшься на «Звезду», «след» сбывать не спеши. Ты молод, вся жизнь впереди, а на пенсии за реликт этот – к тому времени ценность его во сто крат возрастёт – выменяешь себе отдельную комфортабельную блок-ячейку в Кремле «Звезды», с фикусом. В иллюминатор, и Марс, и Землю, и звёзды будешь наблюдать.

– Если подружке одной... и отцу её покажу? Он – земляк, знаток и эксперт по земным реликтам.

– Не советую, Ваня... земляки на «Звезде» все знатоки и эксперты по земным реликтам... есть среди них менялы по натуре, хитрые в натуре. Так что, может случиться, папаша объегорит, и доченька в том поможет. Как пить дать. Так что, им не показывай. Вообще, вы с боссом держите пока всё в секрете, а я вам за блок Мальборо по «следу» давать буду. Соберётся по целой коллекции, вот тогда... Это же сенсация будет. Бомба! У меня ведь «следы» разные: с окурками, с обёртками от «сникерса» и «марса», много со жвачкой и калом. Бомба! Согласен, Ваня?

– Ага.

– Ударим по рукам?

– Ага... Какая у вас рука сильная!

– А ты, Ваня, не пальцы загибай, засучи рукава и грузи. Бицепсы нальются, как у того Шварца станут. Впрочем, ты такого не знаешь. Киноактёр.

– Знаю, картины с его участием не самые любимые, но смотрю.

– На «Звезде» кино? В мою бытность это дело под запретом было.

– На ветролётоносце у патрона видак есть, кассет полно. А на «Звезде», да и на всём Небе под запретом и сейчас. Правительство не даст и в Метро к червям «заразе» попасть – кино для них, считают, страшнее наркотика. С «Терминатором» в книжной версии знаком, сюда плыли на паруснике, с видака фильм раза три смотрели.

– Известно. Революции боятся. А ты, Ваня, извини, – щупленький... и дохленький у тебя такой. Травку куришь?

– На «Звезде», пацаном был, – залился Иван краской, – слышал, что в «Печальных домах» больным как успокоительное дают, в Метро червям в пюре из коралла «картопля» подмешивают. А так, знаете, простым смертным Уровня, Метро и Неба за потребление наркотика статья и суд скорый. Курсантам на «Звезде» – трибунал. Сюда плыли, с драконьего шара сбросили на палубу мешочек с порошком. Шкипер, попробовал на язык, опиум назвал и за борт высыпал.

– Мешочек себе оставил?

– Да нет, примотал к гарпуну и отстрелил из пушки пиратам назад в корзину; сказал, что им на разговение, и парусов наших не тронут.

– Ладно, Ваня, заболтались. Пора моим лоботрясам угощаться и... честь знать. Верно? До утра к отвальному завтраку проспаться. Ты постой минутку, я боцмана отвлеку... Вот тебе второй «след». Возьми и два «макарика». Утром подыши через них в ноздрах энергично, а начнёт в носу щекотать, разбуди босса и веди в погреба показать пропажу бананов. Смейся, хохочи, валяйся под рогот по брезенту – не сдерживай себя. Не оторвёт тебе босс башку. А полезет, – ты ему «след»...

* * *

Утром после завтрака с прощальным застольем, Иван и босс его – коренастый украинец, косая сажень в плечах с высоким толстым загривком: настоящий грузчик – зашли к Председателю. Шли по проходу спального барака, сытые полеводы – земляки валились в койки, небёны лезли на второй ярус – пожимали благодарно им руки. Провожатый дневальный, заглянув за створку занавеси председательского закутка, спросил: «А стоит будить?». В ответ оф-суперкарго показал, вынув чуть из портфеля за горлышко, бутылку виски...

Батя выставил пол-литра «Фирмы» в штофе из-под водки «Твердыня» и наказал дневальному послать на кухню за закуской. Хлеб принёс половинку батона, котелок пюре, да жбан киселя – всё, что, по его словам, осталось от застолья.

Распили бутылку виски, раскупорили штоф. Пить «Фирму» не разведённую даже у профессионального грузчика оказалась кишка тонка – разбавляли киселём. Закусывали батоном, а после как приняли по третьей кружке первача нахваливали пюре. Вчера за ужином отрадно́вцы эту мыльную с виду кашицу называли «Отрадой» (кашевар салатом). Во рту так вязало, что аж ноздри скручивало. Предпочтение гости отдавали закускам, приготовленным и подаваемым судовым коком, да не всегда успевали ложкой зачерпнуть или вилкой подцепить – колхозники не зевали, перед сменой блюд сидели с пустыми ртами и ложкой наизготовку.

У Бати закусывать аппетита не было – отломил от батона, поковырял в пюре.

Смеялись с рассказа Ивана.

Тот, упрятав бесценное приобретение в рукавах штормовки, ждал, пока вахтенный с Председателем покинут мостик. К сходням шёл, смотрел под ноги, ступал предельно осторожно: опасался споткнуться, упасть и сломать невзначай «следы». Вдруг поймал себя на том, что по обеим сторонам тропки, протоптанной босыми грузчиками, видит отпечатки следов от обуви с таким же рисунком протектора, что и у знаменитых «следов» В изумлении остановился, вытащил из рукава реликт, сверил. Остолбенел. Стоял, ничего не понимая, долго, пока ни привёл в чувство вахтенный, вернувшийся на мостик и переполошившийся от вида застывшего в луче прожектора трюмного. Боцман вдолбил парню, что об-

лапошен. Бежать на камбуз к аферисту отговорил, поведав: «Там сорок псов над мисками рычат. Кок заперся в погребе с холодильной камерой – провиант спасает». Ждали, боцман угостил, курили. Иван выкурил первую в своей жизни сигарету. Когда Председатель объявился на палубе и пропускал на сходни подходивших полеводов, лейтенант поспешил на борт. Проходимец, завидев каргоофицера и сказав, что не виделись «вроде бы», распростёр руки и обнял дорогого гостя. Спросил, как зовут, сам представился, извинившись за то, что не может назваться по фамилии. Небён обнимался – что поделаешь, не останавливать же: «Председатель, мы уже познакомились. До сих пор в пальцах ломит».

* * *

Батя поразился моему неожиданному появлению, но вида не подал. Я, пока смеялись с рассказа младшего лейтенанта, выжидал на пороге председательского закутка за занавеской. И воспользовался моментом, когда пьяные каргоофицеры, опасаясь повторных рукопожатий и обнимашек по проходу барака, выбрались через потолочный люк отлить на крыше. Молча, не обращая внимания на Батю – делал вид, что меня не замечает – я вошёл в закуток и слил в свою фляжку весь оставшийся кисель, собрал по жбанкам в жбан остатки пюре. Присел у тумбочки и выгреб из ящиков тюбики с тушёнкой. На выходе из закутка застопорил в створе занавески и пёрнул. Посчитал, что недостаточно громко – стоял, ждал. Тужился, выставив свой необъятный зад в тесных

шортах, но, заслышав спускавшихся с крыши гостей, только пукнул. И плотно свёл за собой половинки занавески – пук в закутке оставить.

А дело-то в чём? Что предшествовало моему неожидан-но-неурочному явлению у Бати в закутке, беспардонному грабежу тушёнки, приносимой ему и оставляемой в тумбочке втихую – без ведома Батиного – кашеваром.

На званом ужине я не был – проспал у себя в кладовой продсклада. Продрых, и прибытие к отрадновскому причалу ветролётоносца менялы Зямы, и прилёт в деревню под погрузку его ветролёта. Утром предстоял прощальный завтрак, думал наверстать упущенное. Проснулся не, потому что проспался... с меня снимали обувь. Разув одну ногу, похититель сиганул за дверь. Я за руку его не схватил, подсмотрел одним глазом, хотя и без того знал кто он, куда и зачем понесёт мой ботинок. В столовку на кухню, сделать отпечаток подошвы в лепёшке из глины – состряпать «следы» первопроходцев с Марса, реликты.

Если бы и хотел, снова уснуть не мог, но с лежанки не вставал, притворялся спящим. Выжидал.

И дождался. Сделав дело, Батя мой ботинок вернул. Но не обул, как проделывал прежде каждый раз – бросил у ног. Эта бестактность и обидела меня.

Полеводы носили рыбацкие резиновые сапоги, или «боты» как окрестил «гражданские педали» кашевар Хлеб, белорус. У меня и завхоза Когана одних только оставались

«тактические военные ботинки». Я свои не ботинками, не «педалями», не берцами называл – «бацулами». На мою ступню интенданты не могли лекал сыскать и подходящую под мой размер пошивочную машину, украинец Богдан Бацула взялся стачать вручную. Ладно, мастерски сшил, орден за то наградили. Правда, мастер возьми в «Печальный дом» и попади, а там почитай каждый второй в орденах. Эти как раз, отмеченные властями и до Хрона и в Хрон, у персонала психушки не в чести, больше иных хлопот доставляют. Бацулы я берегу, теперь такие, мне по ноге, сшить некому. На мою ступню «безразмерную» простой-то военной и гражданской обуви в ЗемМариин не найти, не нашли и рыбацких сапог моего размера, поэтому БККСКП – «берцы крокодиловой кожи с кевларовой подошвой» или, как их называли сами спецназовцы, «щучья пасть» – мне оставили. А берцы майора Кагановича я, предвидя предстоящее разграбление в смотровой гауптвахты, у него с ног снял и в ротном сейфе запер, зампотылу смекнул, в чём у меня умысел. Берцы всем по индивидуальной мерке шили, у меня больше не с размером проблема была – крокодила с должным зашивком поймать не могли, чтобы носок ботинку скроить. Рисунок протектора спецназовской обуви действительно был схож с рисунком на подошвах сапог скафандров первопроходцев с Марса, не отличался даже формой пирамидок по подошве с выдвигавшимися из них при ходьбе «зубами». В протекторе моей бацулы мастер увеличил их число – в носок добавил

шесть штук. В выпечке «следов» использовал мою баццулу Батя много раз, но я с этого ничего не имел, как не намекал поделиться добычей или хотя бы угостить. А в этот раз, обидевшись, решил просто так дело не оставлять. Когда полеводы и гости пировали на званом ужине, я, нарочито подымая шум, таскал по амбару из угла в угол мешки с топинамбуром (другое название бараболя), будто занимался неотложной работой. В перекур поднялся на мостик гондолы Зямино-го ветролёта к вахтенному боцману и стрельнул у него сигарету. Чтобы больше оставить следов, три раза возвращался от амбара, поднимался к нему на борт по сходням снова её прикурить. Удивлённому боцману объяснил, что сразу выкуривать по целой сигарете мне запретил фельдшер, а прикурить чинарик в амбаре бензина в зажигалке не осталось. Под конец беседы с боцманом в рубку поднялся из камбуза корабельный кок, приятель кашевара Хлеба. Угостил рулетом с фаршем из акульего плавника, посетовал на то, что холодильник на вертолётноносце по пути в Пруссию «загадау доуга жыць», потому многие продукты подпортились, свинина разморозилась, стухла. А в Отрадном пополнить запасы, как водилось, не удастся. Сетовал: «Дал патрон маху, всё же надо было Мирный и Быково прежде Отрадного посетить». Прощаясь, подарил пачку сигарет.

– Курыць – эти! – не советовал бы даже такому здоровяку, как ты. Шкипер у пиратов выменял, недалече от ЗемМариин отплыли, ещё до поломки холодильника. В Хрон и до Хро-

на, знаю, у меня и Беларуси курили «Гродно», вот то были сигареты – по ГОСТу зробленные. А эти «Могилёв» – могила. Настаивали я и шкипер на возврат в Твердыню, заменить холодильник и запасы пополнить, патрон не послушал. А тут ещё твоим грузчикам приказал наготовить и пападчивать после погрузки. А чем? Всё самое ценное из сохранившихся продуктов сюда в холодильную камеру гондолы перенёс, спасаю остатки провизии. Вот наготовил твоим... персон на сорок... шучу, конечно, вместо четырёх на восемь человек, поедят по двойной порции ребятки. Скормлю остатки провизии, будет патрон знать, как шкипера с коком не слушать. Так что, согласиться, хотя бы Мирный наведать. Глеб Хлебонасущенский, мой приятель, сказывал в Мирном сале, вообще каким-либо мясом, не разжиться, но сала китового, рыбы сушёной и вяленой, корнеплодов всяких прорва, шмат. Кстати, он заразил меня гаварыць на беларускай мове, сам Глеб с Полесья – белорусский добра ведае. Я же минчанин – на трясанке даже не говорил. Ну, бывай, пойду остывшее разогрею, не ровен час, грузчики объявятся. Отгрузятся скоро, младший лейтенант сказывал всего-то семьдесят шесть мешков с бараболей. Стоит, спит у сходней, не обсчитался бы, сосунок.

Душевный у Хлеба приятель.

Особо замечу, две последние ходки я сделал по сторонам тропки, чтобы «следы» грузчики не затоптали. Оставалось надеяться ветер, без усталости гулявший по пустынному без де-

ревца и кустика острову, не заметёт до времени следы «чужей пасти» песком. И младший лейтенант следы те обнаружит, заметит, не проспит.

* * *

После как Батя отправил Селезня с наказом отпереть амбар, подготовить всё к отгрузке – в этот год уродилась бараболя, в амбаре стояли приготовленные к сделке мена мешки заполненные «земляной грушей» – я обогнал звено и спрятался в тёмном углу строения за развешанными на просушку пустыми мешками.

Пока бывшие разведчики таскали мешки к выходу, Батя инструктировал колхозников, выползших из подполья амбара и затаившихся в тени стены. Я в углу, разумеется, их зажёк, но ни вида, ни голоса не подал.

– На время проведения «эсвэо» вам возвращены фамилии, имена, звания и должности. О соблюдении воинского долга и чести десантника «вэдэвэ» говорить не к месту, как вы понимаете... Главное, соблюдайте субординацию... Как видите, в гондоле вместо иллюминаторов бойницы, Зяма за нашим грузом прислал ветролёт военизированной. Так что, губы не раскатывайте – много пожить съестным в хозпогребах вряд ли получится. Запчасти, солярку и бензин не трогать. От съестного, случится, найдёте в погребах, следов – шелухи, кожуры, корок – не оставлять. Чтоб от пуза наелись. Ну и в запазухи, в подолы напихать. Юбки надели, почему в паху бугрятся? Сливпакеты! Кто разрешил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.